

Предисловие

Братья прошли уже версты три, минуя бурелом, огибая болото и крепи, залитые жидкой грязью, и как раз поднимались на сопку, когда сумерки наконец рассеялись и солнце осветило осенний лес: темные елки, ржавые пятна березового подлеска, — разогнало туман, застоявшийся в прогалинах. Отсюда, с горки, было видно, как диск цвета раскаленного металла медленно выглядывал из-за покатога плеча дальнего шихана, и мальчики остановились, пыхтя и вытирая носы после долгого подъема.

— Вот! Вон там его логово! Смотри, смотри, Антоша! — Герман торжествующе указал на темно-зеленую кляксу елового бора, начинающегося прямо у подножья сопки. — Точно как старик Алёха Ляткин говорил, к востоку от сопки, слева — болото, справа — река. Там, там зверь сидит!

Мальчик пылающим от азарта взглядом пытался проникнуть сквозь переплетение еловых веток, мысленно уже представляя себе передовицу городской газеты: «Отважный гимназист Герман Си-

ницын спас поселок от чудовища!» — и большую фотографию, на которой он, опершись на ружье, попирает ногой гигантскую бурюю тушу, в точности как на иллюстрации из книжки Луи Буссенара... Старший брат Германа стоял рядом, тяжело дыша и поправляя длинную берданку, несуразно повисшую на ремне за спиной. Из-за ружья мальчики перессорились еще ночью в поселке, но Герман, пухлый и румяный, был на целую голову ниже брата, и ружье, когда он пытался его нести, волочилось по земле, это выглядело вовсе не по-геройски и даже немного смешно, так что, после долгих споров, берданку пришлось уступить высокому и худому Антону.

Братья Синицыны были погодками, но оба учились в третьем классе гимназии. Антоша — старший — на прошлую Пасху тяжело переболел скарлатиной и едва не помер. Последствиями болезни, несмотря на все старания их отца, земского доктора, стало не только отставание в учебе, но и худоба, не по-ребячьи хмурый нрав и вечное выражение досады, застывшее на вытянутом лице. Антон уперся руками в тощие колени, давая отдых спине, и смотрел, как солнце медленно выходит из-за горного склона.

— Ну все, Гера... Теперь уже нас точно хватились... И что ружье пропало, тоже наверняка заметили... Фух...

Герман покосился на брата с раздражением, но сразу же снисходительно вздохнул и вернулся

к внутреннему созерцанию своего будущего продвига. Антоше в его мечтах уделялась роль верного Санчо Пансы, а значит, ему, по должности оруженосца, полагалось быть трусоватым и недоверчивым.

— Да не хватились, не бойсь ты, сколько повторять! — отвечал он, не отрывая взгляда от темневшего внизу бора. — Папеньку еще ночью на роды позвали аж в Горелово! Туда ходу часа три или больше! К обеду вернется, не раньше, а то и вовсе в Горелово обедать останется, если уговорят...

— А маменька? — не унимался старший.

Он со вздохом опустил ружье в траву и уселся рядом на камень, вытянув худые ноги. Герман презрительно фыркнул в ответ.

— Что маменька? Она по воскресеньям спит чуть не до полудня! И вообще, что мне маменька? Глупости! — Он снял фуражку, расчесал пятерней рыжеватые кудри и в который раз принялся втолковывать брату: — Да ты пойми, когда мы подстрелим медведя, никакого спроса с нас не будет. Нас на руках по всему поселку носить станут, в газете напишут! А награду какую за голову зверя дают, слышал? Да что тут говорить... А маменька поволнуется немного, поплачет да простит, когда все узнает. Мы ведь это и для ее защиты делаем, понял? Дай лучше воды попить, что пыхтеть попусту? Теперь нам без добычи обратно возвращаться никак нельзя.

Антоша недоверчиво покачал головой и протянул брату алюминиевую флягу. Он-то знал, что маменька уже переживает. А если обнаружит, что из отцовского кабинета ружье пропало — ох, тут даже представить страшно. Она и так сама не своя с тех пор, как нашли первую девочку.

Девочка была из семьи башкир, что жили на хуторе к востоку от поселка, ближе к реке Белой, и промышляли пчеловодством. Восьмилетняя девочка пошла отнести обед отцу и старшим братьям, что трудились на пасеке, но те ее так и не дождались. В сентябре у пасечников работы невпроворот, и ребенка хватились только к вечеру. Искали, кричали, потом у дороги в подлеске увидели разбросанные лепешки и раздавленную плетеную корзину. Переглянувшись, молча ринулись в лес и за полверсты от кромки, за кустами вереска нашли...

Старик-башкир с сыновьями, обезумев от горя и жажды мести, три дня, не смыкая глаз, прочесывали окружный лес кочка за кочкой, пенек за пеньком, но не увидели ни следа, ни шерстинки медведя-людоеда, разорвавшего ребенка на куски. Словно косолапый, разгромив все вокруг и совершив страшную трапезу, исчез, как и не было. А на четвертый день пропала еще одна девочка, в этот раз из самого поселка. Играла в прятки с подругами и вдруг исчезла. Звали ее, аукали, а как сообразили что к чему, так сразу побежали к сотскому старосте. Нашли ее только на следующий день

далеко в чащобе за поселком. Лес вокруг был изломан, а тело обезображено так, что не оставалось сомнений: здесь орудовал крупный бурый медведь.

По поселку поползли слухи, одни других страшней и нелепей, народ волновался и требовал от властей защиты. Собрали охотников, больше из мордвы и башкир, которые лучше всех здешние леса знали, объявили награду за голову зверя. Из губернского города Д., что стоял всего в десяти верстах к северу от поселка, приехал полицейский инспектор, а также богатые господа в охотничьих жилетах, с собаками, рожками и английскими ружьями.

Вся эта компания, набрав закуски, отправилась в лес и устроила там настоящий призовой тир. За пару дней повыбили, а по правде, больше распугали, всего хищника в округе, от самой степи до пологих предгорий дальнего шихана. В поселок привозили рысей и лисиц, волков без счету и даже нескольких бурых медведей. Но людоеда среди них не было — это бывалые охотники говорили с уверенностью. Подстрелить удавалось то медвежонка-трехлетку, то старого, то хворого и облезлого медведя. Между тем тот, на которого объявили охоту, точно был матерым самцом огромного размера, об этом говорили обломанные деревья, кора, ободранная гигантскими лапищами, и главное — маленькие жертвы, буквально разорванные на части. Ничего похожего на такого лесного великана приезжие охотники сыскать не смогли.

Несмотря на это, в поселке регулярно разгорались споры из-за обещанной награды, но все было пустое. И когда по главной улице, поднимая пыль и победно улыбаясь, проехал молодой черноусый офицер, окруженный сворой собак, старик Леха Ляткин только крикнул, презрительно провожая всадника прищуренным взглядом.

— Видал, Алеха, у него ружье фабрики Винчестера! Рублей пятьдесят стоит, не меньше. Что скажешь, можно из такого ружья медведя-людоеда подстрелить? — с деловым интересом спросил Гера, рядом стругавший палочку на ступеньках крыльца.

— Можно. Но только ежели он сам не против будет, — улыбнулся Лёха одной стороной рта, поймав удивленный взгляд мальчика. — Тебе бы все из ружья палять, Герка! А это на охоте дело последнее. Зверя сначала выследить надобно, потом к нему подойти... А там уже и ружьев не надобно, можно и рогатиной обойтись — медведь сам на рожон полезет. Главное, чтобы напарник был хороший. Одному на такой охоте тяжело...

Старый мордвин наморщился и привычным движением поправил калечную ногу, покоившуюся на ступеньке крыльца. Много лет назад он считался лучшим охотником во всем поселке, до той поры, пока ранней весной его не помял дурной и разъяренный спросонья медведь-шатун. Леха месяц пролежал при смерти, но все-таки выжил, правда, половина лица его превратилась в сплошной шрам,

а левая нога теперь нелепо торчала в сторону под углом и больше не сгибалась. За это злые гимназисты дали Ляткину прозвище Циркуль, но называли его так только шепотом, опасаясь получить зуботычину от буйного Геры Синицына, всегда заступавшегося за Лёху.

Гера со своим братом частенько сиживали рядом на завалинке, пока старый мордвин плел корзины из лозы, и слушали охотничьи истории. В своей фантазии Гера всегда становился их главным героем, только делал он все сразу правильно и вел себя более отважно, и было это не в поволжских степях, а на озере Онтарио, и звали его не Герман Синицын, а Натаниэль Бампо по прозвищу Длинный Карабин...

— Так что же, выходит, медведя-людоеда не существует? Или он призрак? — сказал Антоша, серьезно и вопросительно посмотрев на Лёху.

— Эт чего вдруг? — удивился тот. — А девчонка, получается, кто загрыз? Призрак? Или черт рогатый? Нет. Это зверь. Только хитрый, увертливый и сметливый. Не глупей иного человека. Они его возле пасеки ждут, всю округу обложили, да только мед ему больше не по вкусу. Медведь, если раз человечины отведал, уже никогда ее вкуса не забудет. Потому и нападает, хочет полакомиться любимой закуской. А от этих псов, дуделок и свиistelок он за три версты держится, облавой его не взять, только в логове. А как логово разыскать, способ есть, да только они его не знают.

— Что за способ? — подпрыгнул Гера, по случайности едва не порезав себе палец перочинным ножиком.

— Простой.

Старый охотник хотел было закончить на этом, но, увидев пылающие глаза братьев, понял, что те так просто от него уже не отстанут.

— Ладно-ладно. Ничего мудреного. Нужно просто хорошо леса знать и за метками медвежьими смотреть. У каждого зверя своя территория, которую он от других сородичей охраняет. Метки расставляет: кусты ломает, когтями задиры на деревьях делает — все по кругу. А в его центре берлога и есть. Тут-то медведя бить и нужно, на рассвете, пока он спросонья. Так вот.

Братья переглянулись, явно подумав об одном и том же. Охотник, закончив историю, снова принялся за работу, загибая непокорные прутья узловатыми коричневыми пальцами, и, казалось, целиком погрузился в воспоминания.

— Алёха, а ты что, может быть, такие метки видал недавно? — вкрадчиво спросил Гера, поглядывая на Антошу краем глаза.

— А как же, — не отрываясь от работы, утвердительно качнул головой охотник. — Давеча лозу на зиму собирал за дальней сопкой, там за болотом. На рассвете, по холодку. Так там метки и видал, вокруг бора. По высоте, на которой задиры сделаны, понял — здоровенный стервец.

— Так... — решительно произнес Гера, убирая ножичек в карман. И хотя что, собственно, «так», было не вполне понятно, Алёха Ляткин сразу смекнул, что сболтнул лишнего, и, отбросив корзину, нахмурился:

— Нечего такать! И вообще, дуйте домой, уроки учить! Не то доктору, отцу вашему скажу — он вам уши надерет!

Гимназисты, изображая досаду, поплелись по пыльной улице в сторону дома, но уже через пару метров Гера не выдержал, толкнул брата локтем под тощие ребра и принялся воодушевленно шептать ему на ухо детали мгновенно созревшего плана. Антоша некоторое время возражал и рассудительно спорил, но потом махнул рукой и сдался под Гериным напором. Здесь, как и в любом другом озорстве, задуманном и исполненном ими, младший брат олицетворял энергию и порыв, а старший — презренное рассудочное начало, которое неизбежно проигрывало в этом противостоянии...

Вот и теперь Гера, увидев логово врага, хотел немедленно бежать вниз по крутому склону сопки и атаковать, так он и сделал, а Антон остался стоять на вершине, вытянув руки в умоляющем жесте, но вскоре опустил их и угрюмо поплелся следом. Впереди него среди сохлого желтоватого ковыля мелькала серая гимнастёрка и наконец скрылась под темным еловым сводом. Антоша издал стон и поспешил скорее за братом.

Нагнать его удалось только в глубине бора, Гера, нетерпеливо приплясывая, ждал его на поляне.

— Ну? Антоха! Чего ты ползешь? — громко, но почему-то шепотом прошипел он. — Давай ружье скорее! Может, медведь уже рядом!

— Не дам! — ответил тот, на всякий случай тоже шепотом и крепче схватился за ремень. — Я маменьке обещал, что с тобой ничего не случится! Ты... ты ведь и стрелять-то даже не умеешь!

— Ах ты... — Гера на секунду остолбенел, пораженный предательством, но быстро пришел в себя, засопел от ярости и кинулся на брата с кулаками.

Они перелетели через согнутую сухую елку, покатались по палой хвое, разметали муравейник и сцепились, вырывая друг у друга ружье, когда из глубины бора послышались треск сучьев и глухое низкое рычание.

Мальчики немедленно застыли, глядя друг на друга расширившимися глазами. Гера первым пришел в себя, выхватил у брата ружье и с победоносным кличем скрылся среди елок. Антоша поднялся, отряхивая иголки, и, несмотря на мешающую хромоту, устремился за ним следом.

— Герка! Стой! Я все папеньке расскажу!

Но кричать уже не было нужды. Гера стоял на поляне столбом, опустив руки, ружье бесполезно валялось рядом. Перед ним, на середине поляны, среди изломанных веток лежало что-то странное, коричневое и красное, в обрывках ситцевого платья. Перед глазами у Антоши мелькнуло воспомин-

вание о витрине мясной лавки, мимо которой каждое утро они с братом ходили в гимназию, и он согнулся пополам, обдавая рвотой кусты засохшей черники.

Гера наконец ожил, снял фуражку и перекрестился. Затем надел ее, зачем-то снова снял и снова надел. Потом, заметив что-то в кровавой груди, подошел поближе и наклонился, с болезненным интересом разглядывая острый кусок металлического шипа, торчащий из тела. Странно. Он, осторожно переступая, обошел вокруг, изучая муравьев, барахтающихся в запекшейся крови, мятую траву, следы на сероватом песке...

— Антоша... — тихо позвал он брата.

— Что? — ответил тот чужим хриплым голосом, стараясь не смотреть на страшную находку.

— А следы-то человеческие...